Минная рапсодия

Петр Андреевич Павленко

SHOUT
SHARE
IT

- Павленко Петр Андреевич

Павленко Петр Андреевич
Минная рапсодия

Петр Андреевич ПАВЛЕНКО
МИННАЯ РАПСОДИЯ
Рассказ
1

Полковник Смирнов, начальник инженеров крупного соединения, познакомил меня с наградным листом, составленным на бойца инженерного батальона Георгия Воронцова.

- Посмотри-ка, что этот парень натворил! - сказал он.

Мотивировка представления к ордену была изложена бездарным, бюрократическим языком. Там было сказано, что Воронцов обезвредил множество немецких мин, а затем в составе саперно-танкового десанта провел колонну машин через минное поле противника и оборонял танк, потерпевший аварию, отбрасывая на лету связки гранат, кидаемые немцами под гусеницы потерявшей скорость машины... Неуклюже была составлена бумага!

- Что-то много для одного раза, - сказал я.

- Это просто так, сплющилось от плохого изложения, - возразил полковник. - Тут не одна операция, а несколько. Если бы лист был написан как следует, Воронцов мог бы получить звание Героя.

- Я не пойму, что тут главное: что он провел танки или что он отбрасывал гранаты?

- Главного как раз и нет, - сказал полковник. - Главное - это то, что он, понимаешь, настоящий музыкант, в его руках миноискатель - инструмент изумительной точности. Его чуть было не украли из батальона.

- Миноискатель или Воронцова?

- Воронцова, конечно! Когда он отстоял танк и удалось машину за ночь отремонтировать, танкисты забрали его с собой вместо раненого радиста кстати, этого радиста увел в тыл опять-таки Воронцов - и возили его с собой трое суток, ни за что не желая отдавать.

- Он что, еще и радист?

- Никакой он не радист, просто хороший парень: может вывести танк из любой опасности, танкистам спокойно с ним.

- Надо составить хороший наградной лист, - сказал я, - чтобы в нем все было написано.

- Все равно лист будет отставать от правды, потому что героизм сапера, по-моему, нельзя описать, - и полковник растопырил передо мною пальцы обеих рук.

- Кто строит мосты и дороги? Сапер (он загнул два пальца на левой руке). Кто добывает воду? Кто сооружает укрепленные рубежи? Кто строит понтоны? (Теперь его левая рука была зажата в кулак, и он взялся за правую.) Кто минирует линию своей обороны? Кто разминирует вражескую? Кто разведывает передний край вражеского укрепрубежа? Кто проводит танки через минные зоны?

- Наградной лист - не памятка сапера, - возразил я.

- Конечно, наградной лист - не памятка и не статья для энциклопедии, но если человек ежедневно все это делает, должен я или нет написать об этом?

- Нужно взять один или два самых ярких подвига и описать, как он совершил, - вот и все.

- Да у сапера, веришь ты мне, ничего не бывает яркого. Сапер - это горняк и шахтер войны, он всегда в земле. Вот сапер разминировал путь для танков - и они ворвались к переднему краю противника. Кого хвалят? Танкистов. И верно, молодцы они! В другой раз, когда танки фрицев застрянут в наших минных полях и попадут под огонь наших батарей, за кем будет успех? За артиллеристами. И что же? Правильно, конечно. Они ж подбили фрицев! Когда у бойцов не болят животы, потому что они пьют воду из колодца с хорошей водой, все жмут руку врачу, а колодец-то кем вырыт? Сапером.

- Все это - не то.

- Да я и не говорю, что "то". Но описать подвиг сапера вовсе, брат, не легко. Подвиг сапера всегда втекает в чужой успех и в нем растворяется без остатка. Вот в чем дело.

Инженерный батальон, где служил Георгий Воронцов, славился как один из самых лучших по всему фронту и был неуловим: его то и дело перебрасывали с участка на участок. Но однажды я совершенно случайно оказался по соседству со знаменитым батальоном. Он принимал пополнение и как бы отдыхал. Впрочем, все равно днем его бойцы спали, как совы, а ночью ("сапер - ночная птица") "играли" на миноискателях или закладывали "минные пасьянсы" для обучения новичков.

Приказом по фронту несколько десятков бойцов и командиров этого батальона были только что награждены орденами и медалями. В хате штаба приказ этот вывешен на стене. Возле него толпится народ. Самые ордена еще не получены, и все в батальоне путаются, кто уже орденоносец, а кто еще нет.

Большая часть наград пришлась на долю героической роты лейтенанта Бориса Николаевича Жемчужникова. Теперь он передает свой опыт пополнению. С наступлением темноты начинаются практические учения - закладка минных полей и розыск "вражеских мин".

Показывает свою работу с миноискателем и Воронцов - "Ойстрах" своего батальона. Закопают десятка три трофейных мин, и Воронцов в паре с кем-нибудь из новых прочешет указанную площадь.

- Мины будут заряжены? - интересуется фотокорреспондент.

- Это по обстановке, - говорит Жемчужников, прислушиваясь к беседе, развернувшейся на тему, что прежде всего нужно саперу.

- Самая трудная работа сапера ночью, под неприятельским огнем. Ни слух, ни зрение тут ничего не стоят. Важны одни руки, - горячо утверждал один из командиров.

Старший политрук Апресьян решительно возражал ему:

- Будь у тебя хоть восемь рук, а если слуха нет, - никакой ты не сапер.

Вошел человек в большом, на глаза сползающем шлеме, а сам ростом с винтовку.

- Вот его спроси, его! - прокричал Апресьян. - Ну, ты сам скажи, что для тебя важнее: слух, зрение или руки? Это Воронцов, - объяснил он мне.

Человек в большом шлеме робко пожал плечами. Видно было, он не понял, в чем дело.

Он шепотом объяснил, что сам из Челябинска, молочный техник по специальности, обезвреживать мины ему нравится.

- Что значит "нравится"? - сказал я. - Это же не рукоделие.

Воронцов улыбнулся усталой улыбкой глухонемого.

- Сколько вы обезвредили немецких мин? - спросил я.

- Иван Семеныч говорил, за пять тысяч перевалило. Со дня войны. Только не знаю, точно ли.

- Кто этот Иван Семеныч?

Но у Воронцова точно кончились на сегодня все слова - вот так же, как кончается махорка.

Ответа от него добиться было невозможно.

2

- Когда сапер хорошо работает на минах, стоит тишина. Тогда мы говорим, "минная рапсодия" началась. Значит, благополучно ползет он с миноискателем и играет на нем мелодию, которая слышна ему одному, а до нас доходит лишь тишиной, - торжественно произнес один из саперов, очевидно, музыкант по влечению.

До сих пор не могу решить, хорош или плох образ "минной

рапсодии", но я сразу понял его, - очевидно, не зря саперы любят музыкальные сравнения.

Рапсодия? Песня пастуха - рапсодия, в тишине безлюдного поля, песня для себя, рождающаяся и умирающая без слушателей.

Что же, может, и похоже...

...Уже вечереет, лиловое плоскогорье выпрямляет свои изгибы в однообразное сумеречное пространство. Человека не видно за десять метров. Мины, которые сейчас предстоит выловить Воронцову, уже заложены. Это немецкие танковые ТМ-35 - хитрые штучки. Кроме основного взрывателя вверху, у них есть еще дополнительный - сбоку или на дне. Тоненький провод может соединять этот дополнительный взрыватель с соседней миной или держать свою собственную мину в земле, так сказать, "на якоре". Такую комбинацию приходится вытаскивать тридцатиметровым тросом с кошкою на конце. Мины могут быть спарены или счетверены, могут располагаться в один и два ряда. "Пасьянс", который разложит перед вами опытный минер, имеет множество видов, вариантов и рисунков. Днем разгадать самый сложный "пасьянс" - дело несложное, зато ночь для неискушенного человека - это сумасшедшая игра со смертью.

Молодой сапер, идущий в паре с Георгием Воронцовым, поправляет наушники миноискателя и оглядывается, будто мины то и дело цепляются за каблуки его сапог. А Воронцов терпеливо настраивает миноискатель. Если эту штуку не отрегулировать до тонкости, чтобы она давала на мину звук определенной высоты, саперу пришлось бы останавливаться на каждом шагу и выковыривать из земли всякую чепуху. Голос миноискателя должен быть безошибочным. Пусть он дудит как ему вздумается, на любой кусок металла, но перед миной он должен взвыть с той особенностью, какая задана ему, и дать, скажем, верное "си бемоль", а никак не просто верное "си".

Настроив свой "страдиварий", Воронцов легкими взмахами начинает косить воздух к самой земле. Он подвигается довольно быстро. Вдруг - стоп, останавливается. Экран миноискателя кружит над одним и тем же местом. Мина нащупана. Воронцов опускается на колени, потом ложится на живот и, отложив "страдиварий", легким прикосновением пальцев начинает расчесывать и разгребать землю. Вот она, дорогая! Теперь только определить: одна ли она или соединена с другими? Его пальцы работают быстро, как ножницы парикмахера. Острие мины уже на две трети снаружи. Остается подкопаться под нее, чтобы проверить, что там с ее днищем. Ага! Провод куда-то идет от днища. Дополнительный взрыватель быстро оказался в руках Воронцова. Теперь надо тянуться за тоненьким проводом к

"соседке". Стоп! Под руку попадается еще один провод, идущий в сторону. По-видимому, букет мины расположен в виде звезды. Это предположение быстро проверяется миноискателем. Точно. Звезда. Теперь легче. Пальцы мелькают, как у пианиста.

Политрук Апресьян наклоняется к моему уху:

- Когда разминирование идет под огнем противника, приходится находиться над выкапываемой миной и прикрывать ее своим телом, чтобы какой-нибудь осколок не залепил в нее, пока она не разряжена.

- Ну, а как же самому минировать в такой чертовской темноте?

- По нитке. Вбивается колышек, тянется нитка, надо ползти, держась нитки. Собьешься - разорвешься. Такой закон... Но полной темноты не бывает.

- Как не бывает! - говорю я, протягивая перед собой свои руки и мгновенно теряя их очертания.

- Мы сейчас не под огнем немцев, - говорит политрук. - А когда под огнем, тогда замечательно освещает, работать легче... Только тогда, конечно, другой вопрос появляется.

- Какой вопрос?

- Насчет жизни, - смеется он.

Теперь, когда Воронцов в паре с новичком разрядил уже штук двадцать и отмерил колышками сделанный им проход в минном поле, картина ночи, мертво пересказанная в наградном листке, встает, как повторенная заново жизнью.

...Это произошло в районе высоты 28,2. Шел дождь. Грязь была совершенно непролазная. Впереди дрожал океан огня.

Парторг Шариков и боец Арымов приняли на себя огонь немцев, чтобы отвлечь их внимание от десантной группы саперов со старшим сержантом Шамовым. Впереди грохочут артиллерийские залпы. Взвиваются сигнальные ракеты. Наступление. Наши легкие танки с саперным десантом вырываются вперед, за ними - "КВ". Впереди саперы-регулировщики проводят машины по узкому перешеечку. Дальше поле боя. Немецкие минометы до того часто забрасывают его минами, что, похоже, идет огненный дождь и каждая его капля величиной с добрых два кулака.

Наши танки отвечают из своих орудий. Чернь ночи то и дело взрывается заревом, в котором мелькает высота 28,2. По-видимому, есть уже жертвы. Но ничего не видно. Раненого в такой чертовской темноте нельзя ни услышать, ни заметить, его можно только нащупать. Саперы десантной группы соскакивают с танков и ползком по горло в грязи нащупывают мины и убирают их с пути танков. Это Шамов, младший лейтенант Гаршин,

старший политрук Апресьян, бойцы Воронцов, Занин, Шолохов, Исаков.

Через головы саперов танки ведут заградительный огонь. Двигаться совершенно невозможно. Грязь заползает за воротник, набирается в рукава, хлюпает в сапогах и карманах. Шамов дает сигнал головному танку остановиться: обнаружено новое минное поле. Оно построено наспех, даже не убраны колышки, можно будет справиться быстро.

Саперы работают без передышки. Вдруг Шамов падает. Красноармеец Плоских подползает, чтобы вынести его на себе. Падает Занин. Рука его замирает на скобе только что извлеченной им мины.

Но проход все же готов. Шолохов машет водителю головного танка. Танкист не замечает сигнала, Шолохов подбегает к танку.

- Можно вперед! - и никнет, схватившись за левое колено.

Исаков бросается на помощь, перевязывает, берет его винтовку, уговаривает уйти, но валится сам.

Воронцов остается с младшим лейтенантом Гаршиным и старшим политруком Апресьяном. Он выносит раненых товарищей и пропускает вперед танки. Потом остается один в черной бездне ночи. Танки рвутся вперед, и сапер работает, почти накрываемый гусеницами. И вот та машина, с которой он подскочил к бою, останавливается, подбитая снарядом. Тогда он принимается отстаивать ее от нападения фашистских гранатометчиков и снайперов, помогает починить танк и, наконец, выводит машину назад через одному ему известный проход в минном поле, сделавшись родным всему экипажу многострадальной машины.

Вот как она выглядит, эта "минная рапсодия".

1942